

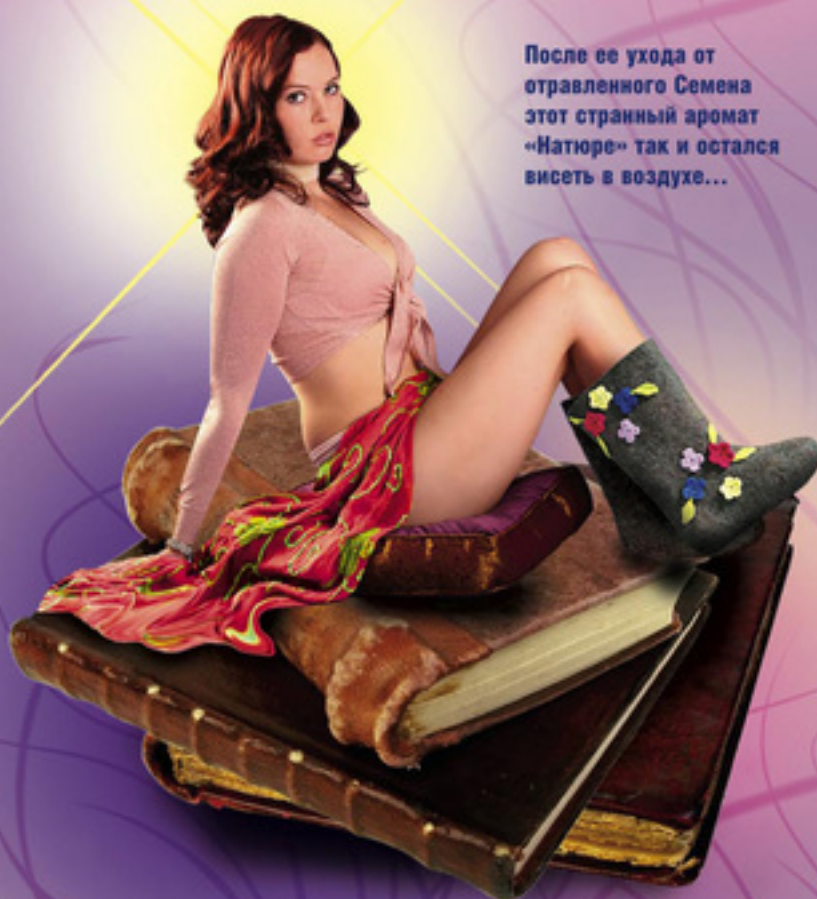
алина

Кускова

Ненский детектив

ЧИСТО РУССКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

После ее ухода от
отравленного Семена
этот странный аромат
«Натюр» так и остался
висеть в воздухе...

Алина Кускова

Чисто русское преступление

«Центрполиграф»

2010

Кускова А.

Чисто русское преступление / А. Кускова — «Центрполиграф», 2010

В милом русском городке на берегу легендарной Волги из местного музея был похищен старинный манускрипт. Похищению предшествовали странные и таинственные события. Сначала чихнула копия древней мумии советника фараона Тутанхамона, ему вторило чучело доисторического мамонта, а виновником сей эпидемии оказался обыкновенный пластмассовый... ежик! Андрей Туровский – известный сыщик, красавец-сердцеед – нагрянул в городишко и произвел там настоящую сенсацию. И все же провинция не сразу открыла ему все свои секреты.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алина Кускова

Чисто русское преступление

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Благостная тишина небольших залов краеведческого музея наполняла хранильницу Елену Ивановну Бубенцову значимостью и гордостью. Вот уже пятьдесят лет, с того момента, как начала трудовую деятельность, она принадлежала этому спокойному, старинному миру и не ожидала от него никакого подвоха. Склоняясь над описью экспонатов, старая дама, как обычно задержавшаяся после положенного рабочего времени, услышала за своей спиной звонкий пронзительный чих.

В полной безмятежности закрытого для посетителей музея этот чих прозвучал слишком странно и вызывающе. Елена Ивановна, увлеченная описанием предметов старины, поначалу рассеянно пожелала простудившемуся товарищу здоровья. Но, не услышав от того привычного «благодарствуйте», повернулась на звук.

Как нарочно, чих повторился.

– Будьте здоровы, – автоматически повторила растерянная хранильница и замерла.

Чихала копия мумии важного сановника фараона Тутанхамона, подаренная краеведческому музею родного города внезапно разбогатевшим на сомнительных сделках с поддельными лекарственными препаратами олигархом Кучумовым.

– Будьте... – прошептала впечатлительная дама и с криком бросилась вон из египетского зала.

Едва отдышавшись, она остановилась возле входной двери, намереваясь выскочить на улицу и забыть о странном происшествии, как услышала крик охранника Федорова. Истинный профессионализм не позволил Елене Ивановне не прийти на помощь кричавшему, и она поспешила на зов.

Семидесятилетний охранник Захар Владимирович Федоров сбегать не собирался, несмотря на то что оказался в стенах музея простым работником всего лишь полгода назад по причине острой нехватки пенсионных средств. Наоборот, он шагал, прихрамывая отреагировавшей на ревматизм правой ногой, по залу с революционными экспонатами и ископаемым животным и возбужденно махал руками.

– Что случилось, Захар Владимирович? – трагически прошептала Елена Ивановна, показываясь на пороге и предчувствуя страшную причину крика.

– Мамонт! Мамонт!

Старик Федоров ходил вокруг огромного шароподобного шерстяного существа и недоуменно округлял глаза.

– Что с мамонтом, голубчик? – Елена Ивановна обреченно прислонилась к косяку.

– Он чихнул, – остановился возле рогатой морды охранник и развел руками.

– Это грипп, – трогательно улыбнулась Елена Ивановна. – Весной все существа подвержены этому тяжелому заболеванию. У меня, голубчик, мумия чихает.

– Чихает? Что вы говорите? – изумился Захар Владимирович и направился в сторону египетского зала. – Пойдемте туда, посмотрим на эту мумию.

– Думаете, стоит пойти и посмотреть? Может быть, это лучше сделать утром? – не сдавалась хранильница.

– Не станем откладывать на завтра то, что непременно сделаем сегодня, – решительно заявил охранник и подхватил Елену Ивановну под руку, уводя в египетский зал. – Если это не массовая галлюцинация, то следует непременно найти шутника.

В зале стояла тишина и царил покой. Ни одного намека на случившееся не было.

Работники музея осмотрели саркофаг, где лежала мумия, пожали плечами. Захар Владимирович почесал лысый затылок и поинтересовался, уж не показалось ли Елене Ивановне,

что мумия чихнула. В то же время он здраво рассудил, что чихающий мамонт показаться не мог, следовательно, эти два происшествия были на самом деле.

Словно в доказательство его правильного вывода со стороны краеведческого зала раздался очередной чих.

Елена Ивановна вцепилась в охранника, тот от неожиданности потерял равновесие, и пара свалилась на застекленную витрину, в которой хранился кусок многовекового папируса, повествующего о существовании потусторонних темных сил в отдельно взятой египетской провинции.

Стекло разбилось, и пронзительно зазвенела сигнализация.

– Массовые галлюцинации, – предположила Елена Ивановна, стряхивая с папируса осколки стекла.

– Не понял, что за идиотские шутки! – возмутился Захар Владимирович и, прихрамывая, устремился отключать сигнализацию.

Глава 1

ОДНО ДЕЛО – СТОЛИЦА, И СОВСЕМ ДРУГОЕ – ПРОВИНЦИЯ. ВПРОЧЕМ, ДРУГОЕ ЛИ?

Частный сыщик Андрей Туровский ходил по краеведческому музею, где в эту ночь, для многих жителей города вполне спокойную, произошла кража ценного предмета, фактически раритета. Неизвестный, но явно простуженный грабитель похитил старинную рукописную книгу «Житие городища». Книгу, в которой сделал запись сам поэт Горемыкин, проезжавший здесь двести лет назад и возмущенный свинским поведением огромных городских хрюшек, перегородивших путь его карете, и таким же поведением трактирщика Хитрецова, умудрившегося скормить поэту несвежую ветчину на обед. Отчего тот задержался в городе на лишние сутки, не вылезая из интересного заведения, называемого в обиходе «удобства во дворе». Книга содержала и другие ценные записи, советы и наставления потомкам. Она была гордостью музея и неотъемлемой частью истории города.

За сыщиком по пятам бегали директор музея Аркадий Аркадьевич Купцов, хранительница и охранник. Все трое, люди преклонного возраста, едва поспевали за молодым Туровским и чуть не плакали.

– Значит, так. – Туровский резко остановился, и в его широкую спину уткнулся мясистым красным носом директор, в директора тут же влетела сухопарая Елена Ивановна. Федоров успел затормозить в миллиметре от хранительницы. Андрей обратился к Елене Ивановне: – Вы утверждаете, что чихнула мумия?

Елена Ивановна, тоскливо ловя на себе гневный взгляд директора, кивнула.

– А вы... – Туровский повернулся к охраннику, – услышали, как чихал мамонт?

Охранник Федоров удрученно вздохнул.

– Старческий маразм, – пожал пухлыми плечами Купцов и схватил сыщика под руку. – Милиция работает над этим потусторонним делом. Но что они могут сделать?! Нас еще никогда не грабили, они не имеют опыта в таком деле. Дорогой вы наш! Вся надежда на вас! Профессор Ображенский рекомендовал вас как лучшего специалиста в подобных преступлениях. Верните нам наше «Житие», без которого город не в состоянии построить полноценное общество.

– Мамонт настоящий?

– Обижаете, голубчик, косточка к косточке с самого дальнего Севера и ближайшего цеха металлоизделий. Волосьяной покров восстановлен нашими местными умелицами из кружка по вязанию «Сударушка». Волосок к волоску, шерстинка к шерстинке!

– Мумия настоящая?

– Обижаете, голубчик, самая настоящая копия, господин Кучумов презентовал. Скончалась ровно три тысячелетия назад. Умерла, следует заметить, в страшных муках, отравленная цианидом. Есть подтверждающие этот факт документы. Предоставить?

– Вряд ли они мне понадобятся. Что это?

Сыщик Туровский остановился в зале краеведения. Перед ним, выстроенные строго по росту, стояли чучела бурого медведя, кабана, волка, лисицы и семейства ежей.

– Местные обыватели, – поспешил отрапортовать Купцов.

– Да? – с интересом уставился на ежей Туровский.

– Обитатели, гм, местных лесов, – поправила директора Елена Ивановна. – Обитают, знаете ли, наверное. Точное количество неизвестно, но эти экспонаты не повлияли на снижение популяций, умерли собственной смертью, когда в районе царил эпидемия бешенства.

– Что вы говорите?! – отпрянул от чучел Туровский.

– Не волнуйтесь, чучела совершенно здоровы, – сказал Купцов. – Есть документ...

– Точно здоровы? – нахмурился Туровский и нагнулся к ежам. – Так, что это?

Он взял пластмассовый шарик, отдаленно напоминающий ежа.

– Еж обыкновенный из семейства млекопитающих отряда насекомоядных, длина его тела может достигать тридцати сантиметров, активно поедает насекомых, лягушек, изредка змей, – залепетал Аркадий Аркадьевич, протирая очки, подслеповатые глаза и смутно понимая, что экспонат далек от чучела ежа, как он от профессии космонавта. – Гон начинается ранней весной, брачные игры длятся два месяца. После спаривания самка становится агрессивна, и самца следует от нее изолировать...

– Что вы говорите?! – искренне удивился Туровский. – И ежи туда же!

Он покрутил в руке шарик, от которого за версту несло паленой пленкой, кусочек ее выбивался из разбитого просмотрового окошка подплавленного шара, и вздохнул. Пожарная сигнализация в музее не сработала на запах, ясно, она улавливает дым, а сильного задымления не было. С мыслями обратиться к эксперту и попытаться восстановить запись на этом приборе сыщик уложил шарик в специальный пакет.

Директор проводил удивленными глазами «ежика», а Елена Ивановна всхлипнула. Охранник Федоров почесал затылок.

– М-да, – пробормотал он, – значит, чихал ежик. Я хотел сказать, – он поймал на себе гневный взгляд директора, – они для чихов использовали магнитофон. Сволочи! То есть, я хотел сказать, натурально чихали. Как мамонт.

– И как мумия, – горестно добавила хранительница.

Туровский, вспомнив про мумию, предложил всем пройти в египетский зал. Елена Ивановна обрадовалась, это была ее любимая комната.

Краеведческий музей сам по себе был небольшой, состоявший из четырех залов. В первом зале – холле среди многочисленных экспонатов, относящихся к военно-революционному прошлому города, стоял огромный мамонт, восстановленный силами местных умельцев. Он как бы являл собой революцию в науке археологии. Мамонт появился в музее чуть ли не со дня его основания вместе с экспонатами военно-революционного периода и пользовался любовью местной детворы и учащихся средней школы, посещавших краеведческий музей с экскурсиями. Экскурсии посещали и второй зал, куда обычные посетители заглядывали редко, собственно зал краеведения, где в тесной комнате ютились чучела обитателей местных лесов и другие немногочисленные экспонаты на темы быта, природы и экологии родного края.

Третий зал называли «египетским» после подарка господина Кучумова. Мумия, следует отдать ей должное, заняла небольшое пространство, потеснив макеты старого города и манекены жителей времен царствования Ивана Грозного. Манекены установили в музее после того, как в городе закрыли из-за недостаточного финансирования драматический театр. В театральные костюмы, доставшиеся в наследство музею, обрядили манекены и выставили на всеобщее обозрение расшитые длинные кафтаны и женские сарафаны, с любовью изготовленные для постановки «Царь Иоанн». Саркофаг с мумией установили ближе к манекенам, дабы дать возможность посетителям сравнить эпохи и культуры. К слову сказать, культура Египта за последнее время стала популярна у местных обывателей, подавляющее большинство которых стремилось заполучить горящую путевку в эту замечательную страну и последовать примеру более состоятельного меньшинства. Поначалу хотели выставить саму мумию, но на фоне розовощеких русских красавиц и толстопузых купцов, а над их имиджем хорошенько потрудились местные дизайнеры, используя румяна и подушки, египетский подарок смотрелся бледным и совершенно безжизненным. Так что мумию оставили в саркофаге, нарушая ее покой только в исключительных случаях.

Еще одним ценным экспонатом в египетском зале был папирус. Старый, желтый, скукоженный листок хранился под стеклом на самом видном месте и являл собой истинное благо-

родство бывшего владельца – директора макаронной фабрики, безвозмездно отдавшего ценный папирус родному музею. Владелец бесценного, как он утверждал, экспоната неоднократно отдыхал в стране пирамид и вывоз оттуда немало ценностей.

– Понятно, – процедил Туровский, остановившись на входе в египетский зал и глядя себе под ноги. Казалось, что он разглядывает свои кипенно-белые летние туфли. – Дверей нет, порога тоже нет.

– Сметой не предусмотрено, – оправдался Аркадий Аркадьевич. – Денег выделяют мало, вот, чтобы витрину заменить, – он указал на стенд с папирусом, – придется ждать и ждать средств.

– В целях пожарной безопасности дверей нет, – предположил Федоров. – Удобнее спасать экспонаты, когда что-то станет гореть.

– Не приведи Господь! – испугалась Елена Ивановна и прошла за свой стол подле мумии. – Здесь, господин Туровский, я сидела, когда он... она... оно чихнуло. Потом бросилась к Захару Владимировичу, у которого оно тоже чихнуло, потом оно чихнуло в краеведческом зале, а «Житие» вынесли из исторического...

– Пройдемте туда, – предложил Туровский и направился в указанном направлении.

Исторический зал, в сущности небольшая комната, привлекал внимание посетителей прежде всего фигурой доисторического человека, сделанной из неизвестного современникам материала. Заросший, невысокий, но слишком коренастый по сравнению с местными жителями, неандерталец в меховой набедренной повязке, побитой вредной молью, держал над головой топор из папье-маше и грозно приветствовал входящих.

– Вот, – торжественно указал директор музея на пустую витрину рядом с неандертальцем, – здесь и было наше «Житие»!

Туровский внимательно оглядел место преступления. Витрина была аккуратно вскрыта.

Картина преступления моментально нарисовалась в голове сыщика.

Итак, поздно вечером один из посетителей задержался в историческом зале, спрятавшись за неандертальца. Он опустил на пол мнимого ежика с записью чихов и принялся с помощью дистанционного управления передвигать его по залам, стремясь вызвать сумятицу и переполох. Что в принципе и произошло. Охранник с хранильницей в полном смятении упали на витрину, разбили ее, сигнализация заорала, они испугались и поспешили ее отключить. После этого преступник спокойно залез за «Житием» и благополучно вместе с ним покинул музей, открыв входную дверь ключом. С ключом проблем не было. Он висел в незапертом ящичке перед самым выходом. При желании любой мог взять ключ оттуда, сходить, сделать копию и незаметно вернуть его на место.

Преступник действовал на грани фола. Откуда он мог знать, что хранильница такая впечатлительная, а охранник не столь решителен, чтобы сразу вызвать милицию? Тому было достаточно только нажать на тревожную кнопку. Как он узнал, что хранильница с охранником упадут на витрину? Почему преступник не забрал с собой мнимого ежа, а позволил тому укатиться в зал краеведения? Он оставил улику! Собрался забрать ее на следующий день? Кстати, самый интересный вопрос другой. Почему он забрал «Житие городища», а не более ценный папирус? Мог бы утащить саркофаг с мумией...

Туровский нахмурился. Последнее предположение резко выбивалось из стройного ряда вопросов.

Не мог преступник утащить саркофаг с мумией. Теплым весенним вечером по улицам города гулял народ. Станный тип, вытаскивающий из краеведческого музея успевшую завоевать популярность среди горожан мумию важного сановника фараона Тутанхамона, несомненно, вызвал бы нездоровое любопытство. Но он мог подготовить преступление заранее и организовать все ночью. Мог, но не стал. Значит, «Житие» было ему важнее копии мумии, которую можно легко продать!

Что в ней такого, в этой старинной рукописной книге?

– Очень ценные записи, – страдальчески поднял глаза к обшарпанному потолку Аркадий Аркадьевич. – Поэт Горемыкин! Как образно он описал свое пребывание в нашем городе! Как поэтично высказался на страницах книги сам градоначальник! Почетные горожане тоже оставили свой след в истории, дав нравоучительные советы юношеству. Там список с настоящей книги Домостроя, сделанный самим писарем Чумичкиным!

– С настоящей? – не понял Туровский.

– Аркадий Аркадьевич хочет сказать, – встряла Елена Ивановна, – что наше «Житие городища» – это как малое «Житие». «Житие» было списано приказным писарем Чумичкиным с первого новгородского Домостроя, известного с конца XVI века. Его писал сам протопоп Сильвестр! Я искренне считаю, что наше «Житие» стоит в одном ряду с такими памятниками истории, как Великие Четьи-Минеи и Стоглав, намного превосходя их красотой языка и описанием событий...

– Нет, – заметил обиженный Аркадий Аркадьевич, – нужно сказать господину сыщику, что Чумичкин поленился и списал не весь новгородский Домострой. Зато этим самым он дал простор для фантазии нашим местным авторам. Там и мой предок приложил свое отточенное гусиное перо, – скромно потупив глаза в пол, признался директор музея.

– Очень интересно, – пробормотал Туровский. – А нельзя ли точнее пересказать содержание украденной книги?

– Отчего же нельзя? – пожала плечами Елена Ивановна. – Можно, голубчик. А можно и прочесть, у нас есть печатные копии текста для учеников старших классов.

Такого подарка судьбы сыщик не ожидал.

Елена Ивановна снабдила его тощей серой брошюрой и фотографией толстой книги.

Видимо, писать в «Житие городища» можно было до скончания века. И Андрей Туровский, уложив все по специальным пакетам, попрощался с работниками музея до следующего дня.

Этим днем ему предстояло поселиться в гостинице и поесть, хотя бы один раз. От предложений Купцова посетить его скромное жилище сыщик отказался, ссылаясь на мозговой штурм, который лучше всего проходит в гордом одиночестве.

* * *

Небольшой провинциальный город, куда на этот раз судьба забросила славного сыщика Андрея Туровского, располагался на прекрасных берегах великой русской реки Волги, манил свежей зеленью и наступающим летним отдыхом. Туровский согласился взяться за это расследование из-за внезапного желания вырваться из цепких дамских лапок и вдохнуть в легкие свежего провинциального воздуха, пропитанного рекой, лесом и светлой наивностью. Поиски книги, пусть даже и рукописной, казались сыщику необременительными и достаточно легкими. День-другой – и он нападет на след глуповатого грабителя, вознамерившегося изучать дома «Житие».

Продать сие творение, как и другие разовые раритеты, было невозможно. В мире коллекционной старины скрыть подобную вещь нереально, если сразу после похищения она не попадет прямоком в тайную частную коллекцию. Тогда получается, что это был заказ. Но кому интересна рукопись местных обывателей? Только самому обывателю. Значит, Туровский будет искать здесь.

С не оставляющими его умную голову мыслями о книге Андрей на своем серебристом «мерседесе» покатыл по центральной улице города к гостинице. Профессор Ображенский, по чьей просьбе он приехал сюда расследовать странное ограбление музея, дал подробную карту

города, к тому же Андрей не страдал топографическим кретинизмом. Гостиницу он нашел моментально.

Уютный особнячок двухвековой давности теснился среди офисных новостроек, слегка прикрытый подстриженными тополями, грозившими обрушиться на жителей аллергенным пухом. Андрей припарковал машину, безмерно удивляясь, что у гостиницы полно места для транспорта, взбежал на высокое крыльцо с массивными колоннами и распахнул дверь.

Раздался призывный зов колокольчика, и скучающая сотрудница гостевых апартаментов Зося Ткачева подняла тяжелую голову. Сон вмиг как рукой сняло, едва она увидела перед собой высокого мускулистого шатена с внешними данными лучших голливудских актеров, вместе взятых, в светлом костюме отличного покроя и дорогих белых летних туфлях. Для того чтобы увидеть туфли мужчины, ей пришлось перегнуться через стойку регистрации, беззастенчиво демонстрируя будущему постояльцу соблазнительный бюст.

– Черт, черт, – высказалась Зося по этому поводу и полезла за косметичкой.

Если бы она знала про этот повод, то непременно сбегала бы в парикмахерскую, а не торчала за стойкой с желтой прессой в руках! Впрочем, последние полчаса газета лежала на столе, а на ней покоилось лицо Зоси. Свежий типографский шрифт отпечатал на бледной щеке девушки смачную надпись «Новинка сезона!», которую Зося прочитала в зеркальце, решив, пока клиент осматривает помещение, попудрить носик.

– Во блин! – в сердцах высказалась девушка и принялась тереть щеку, ругая себя за доверчивое отношение к рекламе.

Туровский тем временем прошелся по холлу, оглядел потолок с хрустальной люстрой, несимметричные углы холла, заставленные выющимися цветами, и потертый мягкий диван с продавленной серединой, словно именно в этом месте на диване любил посидеть слон.

– Добро пожаловать! – крикнула Зося на всякий случай, чтобы залетный мужчина не вздумал передумать и повернуть свои кипенно-белые туфли обратно. – Мы вам рады!

– Неужели? – Андрей развернул к ней привлекательное лицо и тяжело вздохнул.

Блондинка, брюнетка, шатенка в одном флаконе (Зосины кудри украшали разноцветные «перышки») рассматривала его как блоху под микроскопом. Особенно цепко ее взгляд задержался на пальце правой руки, где по обыкновению должно было находиться обручальное кольцо. Зося не верила своему счастью – кольца на пальце не было. Правда, командированные часто обманывали девушку, пытаясь спрятать улику, но делали они это не сразу, а лишь после того, как начинали с ней заигрывать. У незнакомца кольца не было вообще. Это придавало ему лишний шарм и вес в Зосиных зеленых глазах.

Туровский вздрогнул от внезапной плотоядной улыбки, появившейся на лице девушки после созерцания его правой руки.

– Рад, взаимно, – пробормотал он и нахмурился. Стоило ли покидать столицу, спасаясь от навязчивого внимания слабого пола, чтобы в провинции попасть в лапы настоящей хищницы?

Да, Зося на скудную зарплату старалась выглядеть достойно. Во многом этому способствовала шикарная фигура, бархатный голос и умение увлечь собеседника полуоткрытым ртом и наивным, почти дебильным, взглядом. Почему-то Зосины мужчины больше склонялись к этому варианту поведения. Она кокетливо поправила блузку и, облачиваясь на стойку, придала хищному взгляду томность и, как ей казалось, легкое очарование.

– Двухместный люкс? – проворковала Зося, пронзая Туровского завораживающим взглядом.

– Да, что-нибудь получше, – кивнул он и ответно улыбнулся.

Он не собирался поддаваться чарам искустельницы, какой бы прекрасной она ни была.

Во всяком случае, пока занят делом, требующим от него полной отдачи. Сегодня вечером, мрачно заметил Андрей, глядя, как пухлая, нежная женская рука тянется к полочке за

ключами, ему предстоит изучить текст похищенной книги и выяснить, почему взяли именно ее. С музейной обстановкой он познакомился...

– Познакомимся? – томно предложила Зося, бренча перед носом Туровского ключами.

– К сожалению, не имею такой возможности. – Андрей постарался вложить в отказ массу доброжелательности. – При всем своем внезапно возникшем интересе должен...

– Паспорт давайте, – хмыкнула Зося и протянула нежную руку за документом.

– Ага, – дошло до Туровского, и он полез за документом.

Номер оказался двухкомнатным, светлым, с окнами, выходившими на сквер, вполне приличным для провинциальной гостиницы, где он не собирался долго задерживаться. Впрочем, вспоминая поучительную историю поэта Горемыкина, Туровский понял, что должен внимательно отнестись к выбору заведения общепита, где ему предстояло поужинать, и воспользовался советом Елены Ивановны откусать в блинной. Глуша на корню идею пригласить на ужин Зосю, Туровский после осмотра комнат быстрым шагом вышел из номера и направился к выходу. Встречаться с ней ему не хотелось. Как истинный дамский угодник, а таким Андрей Туровский становился при виде молодой привлекательной особы женского пола, он мог нарушить данное себе слово не соблазняться прелестями провинциальной красавицы. Туровский заранее знал, чем все это закончится. Вместо чтения «Жития» они с красавицей нашли бы более интересное занятие, и дело застопорилось бы. Пришлось бы задерживаться в городке, крутиться как белка в колесе, то с делом, то с начинающимся романом. Потом пришлось бы объяснять девушке, что он закоренелый холостяк и жениться не собирается. Слезы, истерики, обвинения. Обычно Туровский предупреждал об этом своих девушек сразу. Но одно дело столица, и совсем другое – провинция. Впрочем, другое ли? Нет, проверять он не станет!

– Эх, жите мое!

И сыщик рысью пробежал мимо стойки регистрации, искоса замечая Зосю, и в дверях столкнулся с незнакомцем.

– Пардон, мон ами! – вскрикнул незнакомец, останавливая стремительного Туровского за плечи.

– Пардон, пардон, – закивал ему в ответ Андрей и вырвался на свободу.

– Ах, Василий! – Зося за стойкой всплеснула руками и обратила все свое внимание на другого.

Андрей прикинул, что незнакомец ему решительно помог, сам того не подозревая. Вот с ним можно будет познакомиться ближе, чтобы использовать его в исключительных ситуациях с Зосей.

Медленно вырубивая на центральную улицу города, Туровский стал бегло читать вывески. Блинная располагалась в двух шагах от гостиницы, так что далеко ехать ему не пришлось. Туровский вернулся на гостиничную стоянку, оставил там машину и отправился в блинную пешком.

Кафе выглядело довольно опрятно и обволакивало входящих вкусными запахами свежеспеченных оладий. Посетителей было немного, Андрей быстро нашел свободный столик и, устроившись за ним, огляделся, ожидая официанта.

Мысленно твердя себе, что оладьями отравиться практически невозможно, он раздумывал, с чем бы их заказать. Соседняя пожилая пара уплетала оладьи со сметаной, девушка с другой стороны его стола ела их с повидлом. Разумеется, он не ожидал, что здесь подают блины с красной икрой, его любимое блюдо, так что решил остановиться на повидле, как на самом безопасном продукте.

Девушку, пока официант нес ему заказ, Туровский разглядывал неприлично долго. Он говорил сам себе, что это чисто профессиональный интерес. Милая пышечка с длинной русой косой и глазами обалдевшей коровы, откушавшей на лугу конопли вместо ромашки, с аппетитом поглощала двойную порцию оладий и витала в облаках, не замечая мужского внимания к

собственной персоне. Видимо, мужчины ее нисколько не интересовали. Или эта хитрюга была прекрасно осведомлена о слабости сильного пола – чем меньше смотрит на мужчину интересующий его предмет, тем он ему интереснее.

Доев последнюю оладушку, симпатичная пышечка аккуратным движением салфетки вытерла пухлые губки, не тронутые помадой, подхватила сумочку и, совершенно игнорируя красавца Туровского, направилась к выходу. От такой бесцеремонности Андрей чуть не подавился! На него не обратили внимания! И где?! В таком городишке! Что же будет дальше?

Вопрос был вполне актуален. Сыщик Андрей Туровский неоднократно пользовался благоволением женщин к его неземной красоте. Он раскалывал такие орешки! В последний раз едва не влюбился до беспамятства в родственницу клиента Аллочку Звонареву, от которой и сбежал в эту глухую провинцию. Нужно было проверить чувства, понять, соскучиться... Другими словами, Туровский сдрей фил. И теперь получается, что он стал терять былой шарм?!

Провожая недобрым взглядом сдобную фигурку пышечки, Туровский принялся есть.

Ничего личного в этом городе, ничего. Только дело, и оно не ждет. Как страдает Купцов! А как расстроена Елена Ивановна! Старик Федоров тоже чувствует свою вину. Нужно помочь им найти рукописную книгу и завершить добровольное изгнание в провинцию.

* * *

Туровский благополучно вернулся в гостиницу. За стойкой регистрации Зоси не было, сиротливо брошенная пресса подтверждала надежду сыщика, что новинки сезона напрочь забыты, и Зосю теперь интересует другой объект. Он понадеялся, что на этот раз им стал незнакомец, довольно усмехнулся, взял ключ и тихо прошел к себе на второй этаж.

Удобно устроившись в единственном кресле, помимо него был еще стул, Туровский разложил на журнальном столике с потрескавшейся полировкой тонкую брошюру и фотографию «Жития», присоединил к ним странный предмет с запахом паленой пленки и внимательно все оглядел.

Предмет на первый взгляд действительно можно было принять за ежа из семейства насекомых, он и был ежом! Детской игрушкой, созданной кривыми руками мастера, никогда в жизни не видевшего это славное колючее животное наяву. Внимательно присмотревшись, Андрей обнаружил массу недостатков у милой игрушки, призванной пугать, а не радовать детей младшего дошкольного возраста. Но игрушка была страшна не только своим внешним видом, но и странной начинкой, появившейся не на производстве товаров массового потребления. Начинку наверняка, как догадался сыщик, туда вставили специально. Получился вполне пригодный для воспроизведения записи диктофон, передвигающийся на колесиках-лапках игрушки и косивший под чучело ежа. Из этого следовало, что злоумышленник готовился к похищению намеренно и основательно. Оставалось убедиться в том, что это то, о чем предположил сыщик, и найти местного умельца, начинающего безобидные (на этом слове Туровский засомневался) игрушки магнитофонной лентой.

Андрей потянулся к телефону и набрал номер знакомого эксперта. Они договорились сразу, спец по экспертизам остался сыщику должен после весьма запутанного дела, где Туровский проявил свои блестящие дедуктивные способности и помог ему. Предполагалось передать улику в столицу на экспертизу через одного знакомого студента, мотавшегося на выходные домой в городок из университета, а после выходных – обратно на учебу.

После разговора Андрей взялся за фотографию.

Судя по рассказам сотрудников музея, рукописная книга была дорога лишь жителям города, особой ценности, кроме исторической, она не представляла. Потрепанный переплет, пожелтевшие страницы с закорючками, ни грамма золота, драгоценностей или чего-то такого, чтобы привлекло внимание грабителей. Остается содержание. Или грабитель в суматохе схва-

тил первый попавшийся ему под руки предмет и сбежал. Возможно, он намеревался похитить папирус! Нет, все-таки он взял книгу из витрины, которую аккуратно открыл ключом или отмычкой. Значит, содержание. Туровский раскрыл брошюру.

Вглядываясь в размашистый почерк, он напряг зрение, чтобы прочитать забытый язык предков.

«Наказ мужу и жене и людям и детям како лепо быти им

Да самому себе государю и жену и детей и домочадцев своих учить не красти, не блясти, не солгати, не оклеветати, не завидете, не обидети, не клепати, чужаго не претися, не осужатися, не бражничати, не просмеивати, не помнити зла, не гневатися ни на кого, к болшим быти послушну и покорну, к средним любовну, к меншим и убогим приветну...»

– Приветно к убогим, как хорошо написано, – сказал сам себе Андрей, не упускавший возможность поговорить с умным человеком. – Так, хорошо, понятно, здесь не совсем, но догадываюсь... Так, так... «...А добро сотворивши Богу угодно поживше, жизнь вечную наследят в Царствии Небеснем. Боже нас сохрани! Со слов протопопа Сильвестра писано приказным писарем Чумичкиным». Замечательно.

Андрей откинулся на спинку кресла, переваривая полученную информацию. В принципе она укладывалась в один божественный постулат: «Не укради и т. п.» и ничем новым не удивила. К тому же приказной писарь Чумичкин явно не обладал повышенной работоспособностью, а Туровский предположил даже, что писарь страдал маниакальной ленью, раз переписал буквально абзац из новгородского Домостроя.

Впрочем, читать все «Житие городища» сыщику явно не хотелось. И он прекрасно понимал писаря, поленившегося работать дальше. Зато следующие записи были гораздо интереснее.

«...Дрянъ городишко, дрянъ. Свиньи в большем почете, чем гости. Лужа поперек тракта, так они в ней, черти, бултыхаются», – прочитал Андрей оптимистичное начало записи несчастного поэта. – М-да, так... Как, однако, сочно, как прямо в глаз, а не в бровь. Видимо, и в те далекие времена дорожники ничего не делали. Ага, а это весьма занимательно... «Зря задержался на трапезу, зря! Шельма трактирщик, чтоб его подняло и больно опустило! Прошколить его хорошенько требуется. Экие проказы мне учинил, мерзавец, все внутренности наизнанку вывернул...»

Туровский вздохнул, представив муки несчастного и прислушиваясь к собственному организму. Мало ли что.

– А какая подпись! – восхитился сыщик, успокоившись и читая дальше. – «Широко известный в узких кругах простой русский поэт и мелкопоместный дворянин Акакий Горемыкин».

Можно было предположить, что современные родственники поэта, решившие внезапно скрыть пикантную подробность из жизни их предка, пошли на похищение книги. Он представил себя на месте потомков Горемыкина. Отчего-то представлялось плохо, видно, в роду Туровских широко известных в узких кругах поэтов не водилось. Андрею было совершенно наплевать на стародавние проблемы Горемыкина. Но отметить версию потомков поэта, укравших раритет, он не стал и принялся читать дальше.

Следом за записью поэта разместился ответ градоначальника, напутствующий прохожих и проезжающих обходить и объезжать здоровенную лужу, традиционно ставшую достопримечательностью городища.

«...Чтоб бабы подолы задирали, а девкам не приличествует конечности оголять, им сигать велено. Покамест коее простофили попрек неровности с водой и с хавроньями направляются, так туда им, дурням, и дорога. И чтоб опосля не пеняли на градоначальника. Как честный муж и градоначальник упреждаю, что раньше теперешнего лета лужа не высохнет. Боже нас сохрани!

Со слов градоначальника писано приказным писарем Чумичкиным».

В мыслях сыщика складывалась новая версия под названием «Вендетта». Мстительные родственники поэта Горемыкина и потомки градоначальника, обвиненного в бесхозяйственности, вышли на тропу войны и в пылу боя сперли ценный обличительный документ. Но кто они?

Следующие записи особого интереса у Туровского не вызвали, разве что он посмеялся над некоторыми. Привлекла его внимание подпись родственника директора краеведческого музея, действительно была такая.

А начиналась запись так: «Наказ потомкам. Почитай свой род и племя как истинный христианин. Возлюби предков своих и дела их великие, ибо все великое то, что есть благо для народу, есть благо для тебя...» и так далее, и так далее. «Писано Аркадием Купцовым, потомственным мещанином».

С чувством полной неудовлетворенности Андрей Туровский отложил текст рукописной книги.

Ничего не было понятно! Ничего. Ради чего красть это так называемое «Житие», не представляющее никакой ценности?! Чтобы хранить его у себя дома и любоваться приличным почерком писаря Чумичкина? Остальные каракули разбираются-то с трудом.

И никакого криминала в записях нет. Неужели это дело связано с поэтом Горемыкиным? Тогда, несомненно, действовал маньяк, озабоченный идеей мщения или, чего доброго, еще чем хуже.

Ладно, в записях присутствовало бы описание места зарытого трактирщиком Хитрецовым клада. Тогда становилось понятным, ради чего, собственно, можно было покуситься на книгу. Но ведь в записях нет ничегошеньки. Или есть, а он просто не заметил?

Андрей отдохнул несколько минут, закрыв глаза и пытаясь сосредоточиться. Интуиция его никогда раньше не подводила! И вновь перечитал манускрипт.

Эффект был тот же. Никакой.

Туровский склонялся к версии, что книгу украли ошибочно.

Если бы Елена Ивановна в обнимку с Захаром Владимировичем оказались не возле витрины с египетским папирусом, то тогда, вполне возможно, украли бы папирус. Сам Туровский украл бы копию мумии. Нет, преступник мыслит совершенно нелогично. Это наводит на мысль, что он абориген и подлинный потомок всех этих Чумичкиных и Горемыкиных. Каким образом оказаться в мыслях вора и постараться думать как он? Методом дедукции? Ничего другого не остается.

Туровский хмуро посмотрел на брошюру, фотографию и игрушку.

Надаться на то, что на пластмассовом ежике остались отпечатки пальцев вора, было просто смешно. Но надежда оставалась. Ее уничтожали многочисленные криминальные сериалы, ежевечерне просвещающие население всей страны, как лучше грабить, воровать и не попадаться. Наверняка жители городка проводили достаточно много времени перед голубым экраном и были посвящены в нюансы криминального мира. О том, что на уликах следует стирать отпечатки преступных пальцев, сегодня знал любой выпускник детского сада.

Оставалась одна зацепка: найти того, кто начинил игрушку записывающей лентой.

Проникнуть в мысли преступника сыщику пока не удалось. Но он может проникнуть в семьи сотрудников музея и постараться изучить их окружение. Мало надежды, мало, что действовала сама Елена Ивановна или старик Федоров. А вот господин Купцов мог украсть раритет!

Зачем? Чтобы любоваться им вечерами вместо криминальных сюжетов.

Он явно гордится своим далеким родственником! И если бы он не был музейным работником, с трепетом относящимся к дорогим сердцу экспонатам, то Андрей сразу бы начал расследование с него.

От грустных мыслей его внезапно отвлек стук в дверь.

– Господин Туровский! Господин Туровский! – Там маялась привлекательная Зося. – У вас телевизор работает? Сейчас начнется сериал «Она организовала убийство».

– Убил бы, – мрачно высказался Андрей в сторону двери, имея в виду телевизионщиков.

– Что?! – прокричала Зося. – Вас плохо слышно!

– Сплю я, устал, – прохрипел ей в ответ Андрей.

– Правда? – разочаровалась Зося, потопталась и ушла.

Телевизор работал, Андрей сделал минимальный звук и приготовился смотреть сериал, что до этого вечера делал крайне редко, фактически никогда.

«Дорогие телезрители, – вещала с экрана красавица телеведущая, – сейчас на нашем канале вы увидите сериал «Она организовала убийство». Краткое содержание предыдущих серий...»

– Идиот, – вздохнул Туровский, с лентяйкой в руке откидываясь в кресло. – Отказаться от аппетитной бабы! Ни один нормальный мужик меня не поймет...

«...и Распекаева решила на крайние меры. Она начинила детскую игрушку записывающей аппаратурой и установила ее в комнате. С этого момента Распекаева знала о каждом слове подозреваемого...»

– Что?! – Туровский изумленно уставился на экран. – Начинила детскую игрушку записывающей аппаратурой?! Так вот откуда это пошло. Спасибо огромное нашему телевидению. Осталось выяснить, кто смотрел ту серию с находчивой Распекаевой. Кто смотрел, кто смотрел?.. Вся страна смотрела.

Глава 2

ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ ВАЛОМ ВАЛЯТ!

Если девушка не вышла замуж до двадцати пяти лет, то шансов заполучить приличного мужа после этой возрастной черты у нее практически нет. Все ровесники разобраны более ушлыми подругами, а мужчины постарше после надоевших в браке жен начинают приглядываться к восемнадцатилетним. Найти тридцатилетнего холостяка в небольшом провинциальном городке совершенно невозможно. Могут попадаться разведенные мужчины, но гарантия качества у них уже отсутствует. Второсортный товар никогда не интересовал Светлану Ведрищеву, в двадцать семь лет она смирилась с участью старой девы и собиралась перестать обращать внимание на представителей противоположного пола. Но женское начало рвалось наружу, и Светлана запоем поглощала любовные романы, где главными героями были графы и маркизы, героинями – Золушки, а в конце романа обязательно присутствовал хеппи-энд. Чтение помогало Светлане скрашивать длительные одинокие вечера и жить двойной, сказочной жизнью. Впрочем, втайне, где-то в самой глубине души она еще продолжала надеяться на принца, прискакавшего за ней на белом коне и с ходу предложившего выйти за него замуж. Ему следовало поступить только так, а не иначе.

Возраст поджимал, время уходило безвозвратно, а принца все не было.

Встречались на улице подвыпившие разбитные парни, приглашавшие ее на свидания, но Светлана Ведрищева на улице, как и в общественном транспорте, принципиально не знакомилась. А познакомиться с привлекательным мужчиной в городской библиотеке, где она работала, было невозможно по той простой причине, что привлекательные мужчины туда отчего-то не заходили.

Постоянным читателем более или менее подходящего возраста, следившим за новинками научно-технической литературы, был инженер Кудряшов. Вот только фамилия полностью противоречила его круглой лысой голове, да и сам инженер смотрелся довольно потасканно, хотя жил с мамой и интересовался только ею. Ну, и научной литературой. На Светлану он изредка вскидывал маслянистые глазки и тут же покорно опускал их в пол. Девушка подозревала, что подобным образом должны себя вести серийные маньяки, специализирующиеся на полных особах с приятной внешностью, и старалась лишним разговоров с инженером не затевать.

Каждый день заходил в читальный зал пенсионер Антон Капитонович со странной фамилией Чур. Он был вдовцом и читал исключительно центральную прессу. В целях экономии газеты не покупал, не выписывал, а от корки до корки просматривал в библиотеке, грустно комментируя особенно понравившиеся новости. Пенсионера казался Светлане приятным человеком, но, вспоминая о его возрасте, она печально вздыхала.

На принца совершенно не походил ежедневно посещающий библиотеку Семен Бубенцов, как подозревала Светлана, приходивший только ради нее. Почему-то в ее представлении принцы не были сутулыми, худыми и заикающимися, с перекатывающимися от волнения кадыком на горле и близорукими глазами. Она понимала, что копаться в мужчинах не должна, и приглядывалась к Семену Бубенцову. Думала даже о поцелуе с ним! Если только закрыть глаза и постараться представить на его месте графа или маркиза...

Но лучше не закрывать, не представлять и вообще не обращать на мужчин внимания.

Ах, лучше ли?

Каким образом Семен Бубенцов оказался некольцованным к столь серьезному брачному возрасту – двадцати пяти годам, она догадывалась. Он фанатично увлекался всевозможной техникой, вечно что-то мастерил и изобретал. Приходя в библиотеку, набирал массу литературы, усаживался в читальном зале и погружался в свой мир.

Светлана поняла, что понравилась ему, после того как Бубенцов трижды взял одни и те же книги, зачитанные им до дыр.

Сегодня Семен Бубенцов не пришел. Это расстроило девушку. Она теребила длинную русую косу и поглядывала в окно на пустынную тропинку, ведущую к библиотеке.

* * *

Елена Ивановна перед тем, как пойти на работу, где ее ждала масса дел, в том числе и криминальных, забежала к единственному внуку, внезапно слегшему с гриппом. Мальчик совершенно не мог за собой ухаживать! С тех пор как его родители-программисты уехали за океан на заработки и определились там на постоянное место жительства, Семен остался без присмотра. Жить с бабушкой он категорически отказывался, жениться собирался только по большой и страстной любви, а гладил себе сорочки просто отвратительно. Если бы мальчик нашел замечательную девочку, умеющую готовить, шить, вязать, танцевать вальс, декламировать Пушкина и при этом не отказывающуюся мыть, стирать, убирать, то она была бы просто счастлива. Впрочем, вместо Пушкина девочка могла бы знать наизусть всего Блока. Это так романтично! Сегодняшняя молодежь совершенно не понимает поэтической романтики и читает одно фентэзи.

Семен не читал, он сидел за компьютером с махровым полосатым полотенцем на горле и вдохновенно пялился в монитор. Елена Ивановна предположила, что внук нашел верный способ изготовить вечный двигатель. Он кивком ответил бабушке на приветствие, та вздохнула и прошла на кухню, чтобы разогреть мальчику принесенный ею куриный бульон. Семен питался отвратительно! Пустой холодильник, в котором мыши даже повеситься было не на чем, распахнул свою голодную пасть и благодарно принял продукты, купленные для любимого внука.

С дымящейся тарелкой супа Елена Ивановна важно прошествовала в комнату, весь ее вид говорил о том, что отказа от еды она не примет и, если придется, выльет содержимое тарелки за шиворот. Да, любовь бабушки порою бывает непредсказуемой, зато она точно знает дорогу к мозгам внука.

Семен вздохнул, глядя на тарелку, снова вздохнул, глядя на бабушку, и принялся есть.

– У тебя температура! – воскликнула Елена Ивановна, прикладывая ладонь ко лбу Семени.

– Тридцать семь и две, – шепотом пробормотал Семен, стараясь скрыть болезнь, и звонко чихнул.

– Не ври бабушке, – строго сказала Елена Ивановна, – тут все тридцать восемь! И это с утра! Почему ты не в постели?! Надеюсь, ты не собираешься идти на работу? В офисе денек-другой прекрасно обойдутся и без тебя.

– Не-а, на работу не пойду, пойду в библиотеку, – опрометчиво признался внук.

– Что?! – воскликнула потрясенная бабушка. – Какие еще хождения за три моря?!

– За три квартала, – поправил ее Семен.

Елена Ивановна задумалась над тем, какими словами сможет урезонить беспечного Семени.

– Ты всех заразишь, – нашлась она, – и тебя изолируют от общества как ходячий микроб. Вызови врача и ляг в постель!

– Заражу ее? – нахмурился Семен, переваривая суп и полученную информацию. – Ладно, я лягу.

Внезапная покладистость внука навела Елену Ивановну на странные мысли. А это «заражу ее» вообще говорило о многом. Кто это она? Знает ли она Пушкина и Блока? Умеет ли готовить, шить, стирать, убирать? Если она работает в библиотеке, то надежда есть, а если нет? Единственное, что осталось у Елены Ивановны в этой жизни, – это ее внук. И музей. И

может быть, что вполне возможно, но не так скоро, вдовец Антон Капитонович... О чем она только думает?! Внук и музей, с нее и этого достаточно.

– Из музея украли наше «Житие городища», – горестно сообщила Елена Ивановна внуку, укладывая того на диван. – Вчера приехал столичный сыщик, такой хлыщ, думаю, он ничего не найдет.

– «Житие»? – удивился Семен, прекрасно знающий все музейные экспонаты с раннего детства, когда бабушка только начала водить его с собой. – Кому оно понадобилось? – и вновь заразительно чихнул.

– Вот именно! – Елена Ивановна заботливо укутала внука шерстяным пледом. – Я всегда говорила, что денежное выражение ценности в наши дни совершенно не оправдано. Вор знал истинную ценность рукописи. Думаю, – она наклонилась и прошептала, – это сделал подлинный ценитель культуры, просвещенный и умный человек.

– Если так, тогда его никогда не найдут, – предположил Семен, втайне предвкушая уход бабули и продолжение сидения в Интернете, где он отыскивал замечательную программку.

Елена Ивановна согласилась с внуком. Она с первого взгляда поняла, что сыщик Андрей Туровский пижон и бабник, а такие специалисты могут вывести на чистую воду разве что недалекую блондинку, а не разумного преступника. В чем была уверена хранительница Бубенцова, так это в том, что недалекая блондинка точно не стала красть музейный раритет. По той простой причине, что блондинки к ним в краеведческий музей не заходили. Эти самые, которые увлекаются пижонистыми сыщиками.

Каким бы умным ни был преступник, а рукопись нужно вернуть музею. Нельзя допустить, чтобы обращение к потомкам города бесследно исчезло в частной коллекции. Нужно, ох нужно самой заниматься расследованием этого весьма запутанного дела! Как жаль, что внук заболел, придется обратиться за помощью к кому-то другому. К кому же? Кто поможет Елене Ивановне изобличить преступника? Антон Капитонович Чур стал первым и единственным претендентом на это скользкое дело.

* * *

Сегодня в краеведческом музее ничто не напоминало недавнюю кражу. Охранник Федоров дома отсыпался после благополучно проведенной ночи, директор сидел в кабинете и носа оттуда не показывал, сыщик еще не появлялся, посетителей тоже пока не было. Елена Ивановна подперла кулачком подбородок и нахмурилась. Она сидела на стуле в историческом зале и караулила похитителя. Нисколько не сомневаясь в том, что по обыкновению преступника тянет на место преступления, она решила его дожидаться во что бы то ни стало. Бурная фантазия пожилой дамы рисовала в ее пылком воображении страшную морду мерзавца, покусившегося на бесценное сокровище, их «Житие». Морда почему-то походила на красную физиономию директора краеведческого музея Аркадия Аркадьевича Купцова. Это сходилось с первоначальной версией Елены Ивановны об умном (хитром!), культурном (показушник!), подлинном ценителе искусства (кому, как не ему знать стоимость экспонатов!).

Елена Ивановна, глядя на осиротевшую витрину, представила, как пронырливый Купцов осторожно, на цыпочках крадется обратно в свой кабинет, откуда он вышел вечером после окончания трудового дня. Он проходит в холле мимо вечно дремлющего старика Федорова, в египетском зале видит Бубенцову, склонившуюся над описью, и прячется в историческом зале, выпуская перед этим мнимого ежа. Еж катается по залам и чихает...

Странно так чихает. Елена Ивановна задумалась, где-то она слышала этот чих. Но где? Эх, память уже подводит.

Когда в музее поднимается паника, а чего уж тут скрывать, Елена Ивановна порядком испугалась, предполагая, что чихает мумия... (Где же она слышала этот чих?) Захар Владими-

рович разбивает витрину с папирусом, или разбила она, впрочем, не важно. И идет отключать сигнализацию. В это время Купцов – Елена Ивановна представила, как пивное пузо директора выпирает из-за побитого молью неандертальца, – выглядывает из своего убежища. Он все слышит и крадется к Домострою. Дрожащими от приятного возбуждения (несомненно, маньяк!) руками отпирает витрину и забирает книгу. Беспрепятственно крадется к выходу, а вместе с сигнализацией старик Федоров по ошибке отключил и освещение, и уходит никем не замеченный. Если его кто-то и заметил на выходе, то не нашел в этом ничего странного. Директор музея идет домой после трудового дня.

Зачем он украл рукопись? Так любому очевидно: там есть подпись его предка. Такие эгоисты, как Купцов (а в прошлом году он целых три раза пенял ей за больничные, не отпустил в отпуск летом и не оплатил сверхурочные, она работала, когда привезли мумию), не думают о потомках!

Елена Ивановна потеряла от удовольствия руки. Она все поняла. Вот только как это доказать?

Ничего, у нее впереди целый день, не вечно же будет сидеть Купцов в кабинете, его потянет на место преступления. Психологию преступников Елена Ивановна знала досконально, она по вечерам смотрела правдивый и поучительный криминальный сериал.

Когда в исторический зал влетела симпатичная девушка с русой косой, Елена Ивановна поначалу растерялась. Она ожидала увидеть Аркадия Аркадьевича, сражавшегося с муками совести и влекомого невиданной силой к пустующему стеллажу. Вместо него пришла библиотечарша Ведрищева, наказал же Господь такой фамилией, ничего, выскочит замуж, если когда-нибудь выскочит, сменит на более приличную.

– Это правда? – картинно заломила руки библиотечарша. – Ее украли? – и бросилась к витрине.

Елена Ивановна поджала губы и проследила за пришельцей буравящим взглядом.

Слишком ненатуральным показалось ей огорчение девицы, теряющей среди формуляров и пыльных книг свои лучшие годы. А что, если это она покусилась на народное достояние?! Мотив? К примеру, к примеру... Елена Ивановна задумалась.

– Жалость-то какая, – пробормотала девица, уставившись на пустое место. – У меня в «Житии» прадед писал для потомков.

– Ага, – вспомнила Елена Ивановна, – градоначальник Ведрищев!

Девица кивнула со вздохом.

Вот тебе, Елена Ивановна, и мотив, подумала самодеятельная сыщица.

Успокоить Светлану Ведрищеву было нечем. Сыщик Туровский не появлялся, видимо, похищение завело его в тупик, и он уехал обратно в столицу, где воруют в известных музеях страны популярные экспонаты, а затем продают их на ближайшей барахолке под названием «аукцион», словно не знают других способов продажи похищенных культурных ценностей. Столичных воров остается только схватить за руку, выставив претензии к аукциону, и дело сделано. А в провинции похитители свои, они мимикрируют под порядочные личности и с маской истинного ценителя раритета утягивают его в свой дом. Попробуй найди. За руку схватить еще сложнее. Как это сделаешь, если он свой?

После грустного повествования о никчемности столичных сыщиков, выпроводив опечаленную фактом похищения ценной книги девушку из музея, Бубенцова вернулась на стул в историческом зале, ни на секунду не сомневаясь, что сюда придет тот, кто должен прийти.

Но пришел незнакомец. Елена Ивановна достала вторые очки, водрузила поверх первых, поправила это двойное сооружение пальцем и принялась пристально разглядывать мужчину. Высокий, стройный, подтянутый брюнет весьма привлекательной наружности с правильными, благородными чертами лица. Незнакомец напомнил ей сыщика Туровского, оба, по ее мнению, были хлыщами. Только если у сыщика пафос был приобретенным, у незнакомца чувствовалась

аристократическая порода. Такой кадр и в провинциальном городке? Тут явно было над чем задуматься.

Подобная птица высокого полета залетала в краеведческий музей редко, после поэта Горемыкина фактически никогда.

– Добрый день, мадам, – поприветствовал незнакомец хранительницу, благородно ей кивая.

– Вам помочь познакомиться с историей нашего города? – спохватилась Бубенцова, до его появления озадаченная одними преступниками.

– Мерси, благодарю, не надо, – отказался тот. – Я просто проходил мимо. Какой у вас замечательный музей! Сколько превосходных экспонатов! Какая огромная проделана вами работа!

Елена Ивановна растаяла от комплиментов и расплылась в улыбке. Как жаль, что он всего лишь проходил мимо, уж лучше бы он признался, что вернулся на место преступления...

Связать брутального незнакомца с местным «Житием» у Елены Ивановны никак не получалось. Если только... Ну, не потомок же он обиженного Горемыкина, в самом-то деле. Но она вскочила, подбежала к пустой витрине и ткнула в нее пальцем.

– А здесь лежала книга, только ее на днях украли!

И уставилась на пришельца немигающим взглядом четырехочковой кобры.

Незнакомец отнесся к криминальному сообщению совершенно индифферентно.

– Примите мои сожаления, – хладнокровно изрек он и продолжил осмотр зала.

Елена Ивановна вернулась на стул и вздохнула. Если это преступник, то он чрезвычайно хорошо входит в доверие, отлично владеет своими эмоциями и ни за что не признается, что спер книгу. Вот только зачем она ему?

И где этот сыщик Туровский?! Тут подозреваемые валом валят, а он в гостинице прохлаждается.

После того как незнакомый посетитель покинул гостеприимный краеведческий музей и Елена Ивановна с облегчением вздохнула, ей пришлось снова напрячься.

На этот раз в музей пожаловал вдовец Антон Капитонович Чур.

Выглядел он в своем единственном костюмчике неброского цвета серой мыши с белой рубашкой и полосатым галстуком слишком опрятно, слишком парадно и слишком уж волнующе. Елена Ивановна испугалась. Они встречались с ним тайно, урывками, стараясь не смешить престарелой любовью детей и окружающих. Разве кто-то поверит, глядя на тшедушную пожилую даму с жиденьким пучком седых волос, толстыми линзами очков и культурно-продвинутым взглядом, что в ее мятущейся душе бушуют поистине шекспировские страсти? А уж глядя на круглого, лысого, смешного на вид мужичка, и вовсе нельзя догадаться, что он в последнее время чувствует себя настоящим Ромео.

Тем не менее Антон Капитонович Чур, с чахлым букетиком сирени с собственного садового участка в потных от волнения руках, возник перед дамой сердца тенью отца Гамлета. Он намеревался задать ей один лишь вечный вопрос «Быть или не быть?» и получить на него положительный ответ.

– Зачем вы пришли, Антон Капитонович? – зашипела на него раздосадованная Елена Ивановна. – Дорогой мой, это так не вовремя! У нас украли рукописный раритет, и я теперь тут вынуждена караулить преступника.

– Ух, Елена Ивановна, дорогая вы моя, не знал, не знал, не располагал, но рассчитывал...

Антон Капитонович засуетился, спрятал цветы за спину, но попытался отстоять свое право на признание в глубоких чувствах. Раз уж он решился! А решался он долго. И в последний момент музей показался Антону Капитоновичу тем храмом, где должны были соединиться их сердца.

– А с чего, голубушка, вы взяли, что преступник вернется? – зашептал Чур.

– Как же так, – изумилась Бубенцова, – и вы этого не знаете?! Преступники всегда возвращаются! Их сюда тянет непреодолимая сила, которой они не в состоянии противиться.

– Вы полагаете, Елена Ивановна, – озадачился Антон Капитонович, нервно теребя сирень у себя за спиной, – наш краеведческий музей стал магнитом для всех преступников?!

– Ах, Антон Капитонович! – всплеснула руками Бубенцова. – О чем вы только думаете, когда я вам о краже говорю!

– О вас и думаю, несравненная. – Антон Капитонович, наивно решивший, что настало его время «Ч», протер вспотевший лоб рукавом и набрал в грудь воздуха.

– После, после, – перебила его Елена Ивановна, услышавшая шаги из кабинета директора. – Ах, прячьтесь, Аркадий Аркадьевич идет!

– Каким это образом? От чего? – не понял несостоявшийся жених.

– За неандертальца прячьтесь, я вам говорю! – Елена Ивановна затолкала Чура за грозную фигуру и быстро присела обратно на стул.

Аркадий Аркадьевич влетел в исторический зал стремительно и, как ему показалось, достаточно неожиданно, чтобы застукать всех на месте. Кого именно, он не знал, но голоса слышал.

– Кто здесь был? – прищурился директор. – Не поймите меня превратно, Елена Ивановна, после случившегося я не могу спокойно сидеть в кабинете. Вы слышали о том, что вор всегда возвращается на место кражи? Его тянет туда непреодолимая сила...

– Ч-хи!

Бедный Антон Капитонович, традиционно весной страдающий от аллергической реакции на все, что цветет и пахнет, не выдержал и выдал свое инкогнито.

– Что это? – ошарашенно глядя на неандертальца, поинтересовался Купцов.

– Ч-хи! – Антон Капитонович не предполагал долго держать аллергенную сирень, но так уж получилось. – Ч-хи! – А без цветов, аллергия у тебя на них или нет, к даме сердца не пойдешь. – Ч-хи! Ч-хи!

– Это неандерталец, – прошептала Елена Ивановна, хватаясь за последнюю соломинку.

– Неандерталец чихает?! – Глаза Купцова полезли на лоб. – Не может быть, – трагичным голосом произнес он. – Я схожу с ума? Вот что значит бессонная ночь. Больше никто не чихал, то есть не приходил?

Он осторожно приблизился к неандертальцу, рядом с которым сидела Елена Ивановна, и через нее попытался заглянуть тому за спину. Антон Капитонович в этот момент выскочил с другой стороны.

– Никого, – мрачно констатировал Аркадий Аркадьевич, возвращаясь на прежнее место.

Антон Капитонович, на ходу зажимающий рот одной рукой, а второй бросая сирень Бубенцовой на колени, едва успел заскочить обратно.

– Странно, – поморщился Купцов и устался на колени Бубенцовой.

Елена Ивановна пару-тройку десятков лет назад была бы польщена подобным вниманием мужчины, но сегодня заинтересованный взгляд вызвал у нее глухое раздражение.

– Ничего странного, – сказала она, взяла сирень и понюхала. – Ч-хи!

– И вы туда же, – возмущенно прищурился покрасневший от негодования Купцов.

Он ненормально хихикнул и сделал несвойственный толстяку бросок кобры, охотящейся на наивную жертву. Антон Капитонович, разумеется, выскочить не успел.

– А! Вот вы где! – заорал обрадованный результатом поиска директор музея и нечаянно задел неандертальца. Его топорик вместе с мохнатой рукой резко опустился на голову Купцова, не причинив особой боли. – Чего еще? Драться?!

И Купцов попытался через Елену Ивановну схватить замешкавшегося Антона Капитоновича.

– Прекратите цирк! – резко сказала Бубенцова, поднимаясь. Она поправила руку неандертальца и поглядела на директора серьезным взглядом. – Антон Капитонович пришел ко мне! И между прочим, по важному делу.

– Не выгораживайте преступника, Елена Ивановна. – Купцов добрался до Чура и стал трясти беднягу за грудки. – Куда ты дел книгу, Антон? Признайся!

– Сдал в библиотеку, – нашел что сказать Чур.

– В библиотеку? – Купцов схватился за сердце и сел на стул.

Елена Ивановна побежала за аптечкой. Антон Капитонович принялся нервно расхаживать по историческому залу, отвлекая внимание директора от насущных проблем. Он принялся рассказывать, что такое, собственно, аллергия, каким образом, надо заметить, довольно хлопотным, с ней живут, да и вообще жизнь с одной только аллергией и не жизнь, а так себе, пшик один. Гораздо лучше существовать с дорогим и близким человеком, тогда все невзгоды и неприятности, поделенные пополам, станут вдвое меньше. Философствовать на подобные темы Антон Капитонович любил, как и читать новости в прессе.

Бдительная Елена Ивановна несколько не поверила наглой выходке Купцова.

Если бы он не был преступником, то сидел в своем кабинете или мотался по городу вместе с правоохранительными органами, занятыми поисками «Жития городища», а не торчал на месте преступления. А как театрально он разыграл сердечный приступ? Тем не менее вызвать скорую помощь отказался. Мнимый больной! Кстати, как там ее мальчик? Нужно будет ему позвонить.

Аркадий Аркадьевич принял из рук Бубенцовой помощь и сердечные капли. После пламенной речи Чура он осознал всю бесперспективность затеи с подозреваемым Антоном Капитоновичем. Зачем тому книга? Он каждое утро, с тех пор как на пенсии, ходит в библиотеку, и еще никто не обвинил его в том, что он что-то оттуда спер. Именитых предков, оставивших свою подпись в книге, у Чура не было, голытьба голытьбой.

Пока Елена Ивановна устанавливала вазу с сиренью на подоконник, Аркадий Аркадьевич окончательно справился с расшатанными нервами.

– Не обижайся, Антон Капитонович, – похлопал директор по плечу знакомого, – пойми, мы все сейчас в таком положении, что кажется, преступник рядом! В двух шагах. И вновь замышляет что-то недоброе. Так и ждешь, что он выскочит из-за угла и наставит в лоб револьвер...

– Однако, – покачала головой Елена Ивановна, – буйная у вас, Аркадий Аркадьевич, фантазия. Не было у нашего преступника оружия, да и зачем оно ему нужно?

– Вы не знаете. – Директор обернулся возле выхода из исторического зала. – Я чувствую! Добром это не кончится... – И он ушел.

– Разумеется, – пожала плечами Елена Ивановна, – добром это не кончится. Вора посадят за решетку! Антон Капитонович, шли бы вы домой, мне работать надо.

Чур грустно вздохнул. Поэтическое настроение, располагающее к сантиментам и откровенным признаниям, было напрочь убито грубой выходкой Купцова. И чего он только влез в их практически интимные отношения?! Добившись от дамы сердца слова, что после возвращения музея Домостроя она ответит положительно на его так и не прозвучавшее предложение, Антон Капитонович отправился домой с намерением напрячь мыслительные способности и постараться выйти на след того, кто спер раритет. Ждать годы, а именно столько, по его мнению, разные сыщики и милиция протянут поиски, он не мог. В его жизни оставались немногочисленные деньки, которые он искренне надеялся прожить с дорогим его сердцу человеком.

Елена Ивановна после ухода кавалера заняла боевой пост.

Она восседала на стуле, словно королева, искоса поглядывала на сирень, украсившую подоконник, и думала о том, что следует быстрее найти вора, осудить его, вернуть «Житие» музею и заняться свадебными приготовлениями. Говорить Семену о помолвке или не говорить

до самого ответственного момента? Нынешняя молодежь все стремится опозлить и обсмеять! Не говорить. Или сказать?

– Доброе утро, Елена Ивановна! – В исторический зал заглянула Виолетта Купцова.

Бубенцова отвлеклась от праздных мыслей и подняла взгляд на высокую брюнетку, дочь директора музея.

– Я к отцу. Он у себя?

Елена Ивановна кивнула. Виола улыбнулась ей и побежала в кабинет Купцова.

Двадцатидвухлетняя красавица с точеной фигурой и правильными чертами лица внешне нисколько не походила на Аркадия Аркадьевича. Мало того, она являла собой полную противоположность отца, унаследовав красоту от матери. Купцов дочь боготворил и баловал, после музейных ее проблемы стояли у него на первом месте. Устроив девочку в престижное столичное заведение и потратив на нее уйму денег, он слова не сказал, когда она все бросила и вернулась обратно домой, в провинцию. Ни слова не говорит и сейчас, когда ее запросы стали столичными, что наводит на размышления, откуда у директора краеведческого музея деньги. Девушка явно живет не по средствам, на что он балует дочь?

Елена Ивановна прищурилась. Мотивчик!

У Виолы одни тряпки в голове. Это где же видано, чтобы у одной особы женского пола было сразу три верхние одежды за сезон?! А сапоги? Елена Ивановна попыталась вспомнить, сколько же их было у младшей Купцовой прошедшей весной, и сбилась со счета. В наше время иметь две пары сапог – непозволительная роскошь. Вот и сейчас красавица процокала мимо нее дорожками шпильками, приобретенными явно не на местном вещевом рынке, где одеваются все приличные жители города. Ага! Получается, что у Аркадия Аркадьевича рыльце в пушку. На его зарплату так не разгуляешься, супруга – бывшая учительница младших классов – на ярлыки и лейблы не зарабатывает, а сама девчонка дома сидит под предлогом, что готовится поступать в МГИМО. Так ее там и ждали! Кстати, еще одна улика. Если ее там ждут, то за какие деньги?!

– За бешеные, – хватаясь за сердце, высказалась вслух Елена Ивановна.

Аркадий Аркадьевич Купцов ради дочки поступил своим принципом: сначала музей, потом Виола, переставив их местами, спер «Житие» и собирается его продать! Ужас.

* * *

Андрей Туровский подъехал к краеведческому музею и припарковал машину возле входа. (Замечательно живут люди в провинции, где хотят, паркуются, не то что в столице, там уже на тротуарах машинам тесно.) Он вернулся с вокзала, где встретился со студентом и передал ему посылку для друга-эксперта. Студенты, как были, так и остались народцем вредным и непостоянным, крайне неуважительно относящимся к чужому времени. Этот фрукт опоздал на целый час, проспал. И это будущая элита страны, ее будущие академики и профессоры?! Радовало то, что он вообще пришел, тратить время на возвращение в столицу Туровскому не хотелось.

Он легко и весело, словно тяжким грузом на нем не висело ограбление музея, взбежал по ступенькам крыльца, распахнул дверь и... замер.

Мимо него, насмешливо улыбаясь, из распахнутой двери проплыла привлекательная брюнетка, обдав сыщика терпким ароматом хороших французских духов. Дива в прозрачном и воздушном, как мечта, белом сарафане спланировала с крыльца, больше не обращая внимания на раскрывшего рот Туровского, и приземлилась за рулем красного «матиса». Андрей очнулся, когда машина, увозившая очаровательную брюнетку, скрылась из вида.

– Вот так сюрприз, – пробормотал Андрей, – такая красавица и без мужчины! Однако есть женщины в русских селеньях...

Видимо, сегодня день был такой, для новоявленных поэтов не соответствующий.

Елена Ивановна вмиг опустила взлетевшего на крыльях мечты о прекрасной брюнетке Туровского на землю.

– Он здесь был, – трагическим волнующим шепотом произнесла она, хватая сыщика за рукав в холле с мамонтом, который тот намеревался проскочить до директорского кабинета без непредвиденных задержек.

– Кто? – недоуменно вскинул брови Туровский.

– Вор, – односложно ответила хранительница, осторожно глядя по сторонам. Но кроме огромной мохнатой фигуры их больше никто не слышал.

– Понятное дело, – пожал плечами тот, – он был и унес с собой книгу.

– Он сегодня был, – досадуя на недалекость столичного мачо, повторила Елена Ивановна.

– А! Понятно, – догадался сыщик. – Вы исходили из принципа, что преступника тянет на место преступления. И кто здесь сегодня был?

– Директор, – закатив глаза к потолку, прошептала Бубенцова.

– Разумеется, что директор. Где же ему еще быть, как не в музее, это его рабочее место.

Бубенцова хмыкнула. Она поняла, что не стоит метать бисер перед... сыщиком. Пусть думает, что она скромная, тихая старушенция, ни на что серьезное не способная. Хорошенький же она ему преподнесет сюрприз, когда доставит преступника на блюдецке с голубой каемочкой. Елена Ивановна довольно вздохнула, ах, какое хорошее сравнение, умели классики сравнивать!

Пока она представляла, какое будет у этого щеголя выражение лица (ошарашенно-идиотское!), тот успел сбежать к директору. Елена Ивановна грустно поглядела ему вслед, зря она раскрыла вора, зря. Лавры победителя достанутся какому-то столичному хлыщу!

Глава 3

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ ЕСТЬ?

Начинающийся день не сулил никаких дополнительных приятностей. Весна близилась к завершению, неизбежностью надвигалось лето – самая тихая пора в городке, ни тебе развлечения, ни тебе флирта, пустая трата столь драгоценного времени. Конечно, его можно использовать для повышения теоретических знаний, но когда-то нужно отрабатывать и практику! Перед Зосей лежал журнал с интересной статьей, в которой автор делилась своим бесценным опытом. С глянцевого страниц в мир она смело выдавала непреложную истину – если хочешь выскочить замуж, ни за что и ни при каких обстоятельствах не признавайся, что этого хочешь. С мужчинами все лучше делать наоборот, иначе наоборот сделают они. Закон противостояния полов.

Это как торговля на хитром рынке – чуть зазеваешься, тут же обманут. Хочешь, чтобы он постоянно был рядом? Скажи, что без него ты отдыхаешь. Увидишь, он станет проводить рядом с тобой гораздо больше времени, думая, что у него появился соперник. Хочешь, чтобы он дарил тебе больше подарков? Тогда скажи, что тебе от него ничего не нужно, а то потом, когда поссоритесь, замучаешься возвращать. Он забросает тебя подарками, чтобы грядущая ссора была мучительной!

Хочешь за него замуж? Скажи, что за него замуж не хочешь, вдруг подвернется что-то более интересное и менее инфантильное. И тогда он озаботится тем, чтобы окольцевать упрямыцу.

До последнего пункта у Зоси отношения с мужчинами никогда не доходили. Если первые два она кое-как претворяла в жизнь, то говорить о том, что замуж не рвется и вообще ее мятущаяся натура склонна к феминизму, было некому. Это был еще один закон – закон замкнутого круга, где Зося вертелась как белка в колесе, с каждым очередным кавалером предполагая, что движется дальше к ЗАГСу, а на деле получалось, хоть движения ее быстры и стремительны, но пусты и нелепы.

Годы шли, нужно было на что-то решаться и майским клещом впиваться в мимо пробегающего мужчину. Мимо Зоси пробегали большей частью одни командированные. Но выбирать не приходилось! Зося верила статистике, по которой треть представительниц слабого пола нашли мужей среди рабочей обстановки. У нее тоже был шанс, не в морге же она работала. На сегодняшний день в гостинице городка проживали двое холостяков. Положа руку на томнящееся сердце, Зося могла уверенно добавить – двое завидных холостяков. Она видела их паспорта без отметок ЗАГСа.

Первым приехал Василий Барклай, высокий, статный, он ходил так прямо, словно проглотил шпагу. В его облике было такое скрытое благородство, что Зося невольно представляла себя рядом с ним в белом напудренном парике и фижмах. Причиной посещения провинции Барклай назвал путешествие по местам предков, но Зося, не наивная дурочка, ему совсем не поверила. Как раз перед этим она слышала по телевизору, что столичные олигархи перед лицом мирового кризиса кинулись раскупать недвижимость по родной стране. За границей у них уже все куплено.

Походил ли Барклай на олигарха или нет, Зося не знала, до этого визита она о воротах власти и бизнеса только слышала, лично знакома не была. Но они и не стремились с ней знакомиться.

Барклай отделялся общими фразами, изредка подкидывая ей комплименты, у стойки не задерживался и в номере торчал мало, действительно много путешествовал. Зося сожалела, что у нее не было лишних денег на частного сыщика, чтобы проследить за тем, куда ездит Василий и что он ищет. В том, что Барклай что-то ищет, у Зоси сомнений не было. К нему

приходили сомнительные личности с загадочными взглядами закоренелых заговорщиков, они шептались и моментально замолкали, когда Зося появлялась поблизости.

Вот было бы здорово, если бы он искал себе жену! Любят же иностранцы жениться на русских девушках, которые как три компонента в одном: и любовница, и домработница, и нянька. Так отчего же умному мужчине не обратить внимание на неограниченный алмаз, скупающий за стойкой гостиницы?

Второй кадр появился на днях, звали его Андрей Туровский. Привлекательный мужчина, явно перешагнувший тридцатилетний рубеж, но остававшийся в такой великолепной форме, что Зося собиралась влюбиться в него с первого взгляда. К сожалению, не взаимно. Холостяк Туровский сразу дал понять девушке, что приехал в город ради серьезного дела и ничем, кроме работы, он заниматься не намерен. А тут как раз поползли слухи, сдержать которые было невозможно, что из музея похитили бесценный экспонат и из столицы приехал суперсыщик, чтобы поймать вора.

Зося считала себя умной девушкой. Она сразу расставила все по полочкам: Барклай, приехавший раньше, являлся тем самым вором, а Туровский, приехавший позже, был сыщиком. Если бы ее целиком и полностью не занимала мысль скорого замужества, то Зося включилась бы в это занимательное приключение. Только не могла выбрать, чью сторону поддержать. Барклай ей нравился как благородный вор, а Туровский привлекал как благородный сыщик.

Одного не могла понять Зося: почему украли именно «Житие городища». Она не представляла, каким образом можно использовать эту старую книгу. Зося с огромным удовольствием украла бы из библиотеки прошлогодний журнал со снимками оголенного торса Брэда Питта в едва прикрывающих мужское достоинство джинсах. Украла бы точно, если бы не Светлана Ведрищева, вредная библиотекарьша, тайком любовавшаяся на Брэда сама.

* * *

После разговора с Купцовым у Андрея сложилось впечатление, что тот бредил. Необходимые знания психологии преступника и жертвы, коими располагал сыщик, открыли ему глаза на то, что у директора краеведческого музея от потрясения поехала крыша. Такое бывает, когда человек лишается чего-то очень ему дорогого и близкого.

Купцов, лишившийся раритета, боявшийся потерять из-за кражи должность, мало того, что всю вину возлагал на Елену Ивановну Бубенцову, открытым текстом, правда, зловещим шепотом, сообщал, что Бубенцова сама похитила книгу. Он даже назвал место предполагаемого хранения раритета – балкон Елены Ивановны, большую часть которого занимал сломанный холодильник. В нем якобы она и прятала ценнейший экспонат.

Туровскому пришлось принять во внимание эту бредовую идею, чтобы та не распространилась дальше, и взять с директора слово, что тот об этой великой тайне пока не расскажет никому. Пока идет следствие, во всяком случае. В свою очередь, Туровский пообещал проверить содержимое сломанного холодильника Бубенцовой. Но он не пошел взламывать квартиру старушки, а направился в городскую библиотеку, где собирался ознакомиться с трудами местных краеведов.

Привлекательная толстушка с длинной русой косой встретила его глазами полными немого удивления. Но ничего вслух не сказала, была занята беседой с высоким незнакомцем, встретившимся Туровскому в гостинице.

– Да, господин Барклай, хорошо, господин Барклай, – кивала Светлана в знак согласия, принимая от того пролистанные книги.

Туровский улыбнулся Барклаю как старинному знакомому, житие в провинциальных гостиницах сближает вынужденными лишениями, и прошел к стеллажам. Барклай ответил

Туровскому надменной улыбкой, больше похожей на страдальческую гримасу, и выскочил из читального зала совершенно не по-джентльменски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.